

Антон Грановский

Приключенческая
Фантастика

ЖЕСТОКАЯ ЗЕМЛЯ:
СОЛО-РЕКС

Антон Грановский
Соло-Рекс
Серия «Жестокая Земля», книга 1

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2522775
Антон Грановский. Жестокая Земля: Соло-Рекс: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-52735-9*

Аннотация

Далекое будущее. Планета Соло-Рекс. Агент-оперативник Военного Совета капитан Клов получает приказ ликвидировать главу секты «натуристов» Пастыря Накамуру. Задание выполнено успешно, но у Пастыря миллионы поклонников, и за Кловом начинается охота. От роскошных хентай-девиц до последнего нищего – все пытаются отправить капитана на тот свет. Уцелев, Клов получает новое задание: отправиться на родину предков. Земля вот уже четыреста лет захвачена смертоносной «серой мантией», которая разрушила все, созданное человеком и природой, и вынудила уцелевших людей бежать на Соло-Рекс, а теперь взялась восстанавливать уничтоженный мир. Что это? Приглашение вернуться на родную планету или хитроумная ловушка хищника, присвоившего Землю? Что происходит в городах-призраках, какие существа обитают в лабиринтах безлюдных улиц? Агент-оперативник Клов был готов ко всему, кроме встречи с загадочной и зловещей силой, что заявила свои права на планету людей...

Содержание

Глава 1	4
1	4
2	7
3	10
4	15
5	18
6	22
7	28
8	32
9	39
10	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Антон Грановский

Жестокая Земля: Соло-Рекс

*Ты все пытаешься проникнуть в тайны света,
В загадку бытия... К чему, мой друг, все это?
Ночей и дней часы беспечно проводи,
Ведь все устроено без твоего совета.*

Омар Хайям

Здесь, на Земле...
И.А. Бродский

Глава 1

АГЕНТ-ОПЕРАТИВНИК

1

Автолет плавно скользил над мокрой улицей в направлении Серого квартала. Часы на панели управления показывали 8.50 утра. Откинувшись на спинку сиденья, капитан Клов смотрел прямо перед собой через солнцезащитные очки. Его длинные черные волосы, выдававшие в нем принадлежность к офицерскому составу, были тщательно убраны под черную шапочку.

Этот район Большого Града был отлично знаком Клову. Серые невзрачные дома, почти не отличающиеся один от другого, и среди серых гигантов-высоток – такие же серые, безликие двух- и трехэтажные особнячки. Над однообразно черными дверьми кофеен и магазинов – строгие вывески с начертанными на них иероглифами-кана, а пониже иероглифов – их перевод на кириллицу.

– Вы добрались до назначенной цели, – проговорил навигатор женским голосом.

Автолет остановился метрах в ста от одного из особняков с выпуклыми пуленепробиваемыми окнами и мягко приземлился на посадочную полосу у кромки тротуара.

Капитан Клов внимательно взгляделся в окна особняка. Первый этаж располагался на высоте трех метров над землей. Лестница в двадцать три ступеньки, ведущая к двери, была необычной: каждый шаг по ней приводил к срабатыванию сигнальных устройств. Внизу, возле лестницы, дежурили два охранника с автоматами в руках. Одеты они были в военные плащи-кимоно, подвязанные поясами-хакама.

Клов прокрутил в голове несколько заготовленных вариантов проникновения в дом. Заготовки показались ему недоработанными и непригодными. Как всегда в подобных случаях, Клов вспомнил одно из высказываний своего дзен-духовника: «Если сомневаешься – иди через парадный вход».

Клов включил камуфляж, сделавший его почти невидимым, и выскользнул из автолета. Быстро дойдя до невысокой железной ограды, Клов перемахнул через нее и одним прыжком преодолел расстояние, отделявшее его от охранника. Мягко приземлившись, он ухватился одной рукой за ствол автомата, а другой зажал охраннику рот и рывком свернул ему шею.

Второй охранник повернулся на шорох. Клов ударом ноги вышиб автомат у него из рук, затем схватил его за волосы и стукнул головой о каменную стену особняка с такой силой, что охранник тут же обмяк.

Клов вынул из внутреннего кармана куртки одного из охранников электронный ключ. Затем вытащил из-за пояса пистолет «Глок-23» с навинченным на ствол глушителем (как и многие другие агенты-оперативники, Клов считал древнее огнестрельное оружие самым надежным).

Капитан несколько раз вдохнул и выдохнул, успокаивая дыхание, затем щелчком пальца привел антигравитрон, вмонтированный в куртку, в рабочее положение и нажал на кнопку «пуск». Прыжок был легким и плавным – перемахнув через двадцать три ступеньки, Клов бесшумно опустился перед дверью и провел электронным ключом перед сенсорной панелью замка. Затем распахнул дверь и скользнул внутрь.

Третий охранник, дремавший на неудобном стуле у входа, молниеносно вскочил на ноги и выхватил из кобуры плазменный пистолет.

Клов выстрелил противнику в руку, заставив его бросить оружие. Вторым выстрелом он прострелил охраннику правое бедро. Громила рухнул на пол и заскрежетал зубами от боли. Шагнув вперед, Клов нагнулся над ним и тихо спросил:

– Сколько охранников наверху?

– Двое, – прохрипел раненый. – Нужная тебе дверь – слева.

Клов машинально повернул голову влево, и в это мгновение охранник выхватил из кобуры, прикрепленной к голени, плазменный пистолет 22-го калибра и выстрелил в Клова. Капитан резко отклонился в сторону и разрядил свой пистолет охраннику в лицо. Затем опустил руку и посмотрел на свое левое плечо. Пуля охранника расплавила ему кость, и левая рука висела плетью.

«Получив огнестрельное ранение, помните, что стресс может быть не столько физическим, сколько психологическим, – прозвучали в голове у Клова слова дзен-духовника. – Почувствовав очень сильную или даже невыносимую боль, не впадайте в панику, а представьте, что данная ситуация – вполне в порядке вещей».

Капитан Клов сцепил зубы и несколько раз повторил про себя мантру: «Душа не больше ли пищи, а тело – одежды?» Постепенно сознание капитана прояснилось. Тело подчинялось ему. Он был дееспособен.

Клов продолжил путь по большой, убого обставленной зале. Остановившись возле следующей двери, он прислушался и тут же уловил легкий звук шагов. Кто-то спускался вниз и старался делать это бесшумно.

Дверь начала открываться. Клов схватился рукой за дверную ручку и резко рванул ее на себя, заставив выходящего охранника вылететь в дверной проем, затем схватил его за плечи, резко развернул и ударил головой о деревянный косяк, после чего отшвырнул от себя и, повернувшись вокруг собственной оси, ударил его ногой в челюсть. Охранник рухнул на пол, толстый ковер смягчил звук падения.

Клов снова прислушался. В доме было тихо.

Капитан быстро поднялся на второй этаж. У входа в большую гостиную на пути у него встал последний охранник. Клов нажал на спусковой крючок пистолета. Пуля угодила охраннику в сердце, и тот умер прежде, чем его спина коснулась пола.

Покончив с охранниками, капитан Клов огляделся. Гостиная Пастыря Накамуры выглядела еще более убого, чем зала на первом этаже. Серые дощатые стены, покрытые плесенью, грубо сколоченная мебель, затертый до дыр ковер на полу. Похоже, люди Накамуры каким-то образом заблокировали мемы, и все в этом доме было *натуральным*.

Клов взглянул на старенькое кресло, стоявшее у пылающего, закопченного камина. Над спинкой кресла возвышалась голова с седыми, коротко стриженными волосами. Вот кресло пришло в движение и со скрипом развернулось.

Клов едва удержался от удивленного возгласа – в кресле громоздилась конструкция из стали и пластика, имитирующая человеческое тело, и лишь голова, венчающая эту конструкцию, была живой – из плоти и крови.

Бледное, чуть одутловатое лицо Пастыря Накамуры было чисто выбрито. Черные, раскосые глаза его смотрели на Клова сурово и спокойно.

– Кто вы? – спросил Накамура по-японски.

Клов молчал, разглядывая свою цель с угрюмым интересом. Великий Пастырь Накамура, к чьим словам прислушивались миллионы людей, оказался одной лишь головой, насаженной на искусственный осто. Пластиковое тело было совершенно допотопным, почти архаичным, трудно допустить, что оно еще способно двигаться.

Накамура снова заговорил хорошо поставленным, богатым модуляциями голосом:

– Моя деятельность разрешена правительством. Вы не имеете права.

Клов поймал себя на странном ощущении. От каждого слова Пастыря веяло спокойной силой и непоколебимой уверенностью, и вескость этих простых слов действовала даже на него, агента-оперативника первой категории с пистолетом в руке.

– Я всегда утверждал, что для Военного Совета не существует никаких правил, – презрительно произнес Накамура. – Но теперь вы отменили последние условности и убиваете своих оппонентов исподтишка. Где же ваши хваленые понятия о чести?

Руки из пластика и стали, похожие на паучьи лапы, зашевелились. Пастырь Накамура уперся ладонями в ручки кресла и стал подниматься. Капитан шагнул к Накамуре и ударил его ногой в грудь. Как Клов и предполагал, конструкция оказалась ненадежной и хрупкой. Пастырь рухнул на ковер и тяжело задышал, хватая воздух широко раскрытым ртом. Клов присел рядом и прижал ствол пистолета к его голове.

Пастырь Накамура скосил на него глаза и хрипло произнес, перейдя на русский язык:

– Вы не можете меня убить.

Клов понимал, что должен выстрелить, но к своему удивлению, не мог нажать на спусковой крючок. Пальцы его онемели.

– Ваши действия нелепы и постыдны, – снова заговорил Накамура. – Решившись убить меня, вы пошли против народа. Но маховик уже пришел в движение, и вас наматывает на этот маховик, как старую ветошь.

Клов чувствовал, как чуждая сила входит в его тело и овладевает им. Одновременно в душе его поднимались страх и паника. Способ побороть панику был лишь один.

«Душа не больше ли пищи, а тело – одежды? – подумал Клов, успокаивая дыхание и делая его ровным. – Я вдохну, я выдохну, четко ощущая все мое тело. Я буду вдыхать, выдыхать, успокаивая деятельность тела. Вдох... выдох... Душа не больше ли пищи?..»

Онемение в пальцах прошло, Клов нажал на спусковой крючок. Выстрел прозвучал глухо, словно гавкнул цепной пес, сидевший в будке.

Покончив с Пастырем Накамурой, капитан выпрямился, развернулся и зашагал к двери. И тут за спиной у него раздался шорох. Клов быстро обернулся. Пастырь Накамура, будучи, безусловно, мертвым, открыл глаза, посмотрел на Клова и отчетливо проговорил:

– ЭГО СУМ. Я СУЩЕСТВУЮ, КЛОВ.

Капитан быстро вернулся к Пастырю, сунул ствол пистолета ему в раскрытый рот и нажал на спуск. Затылок Накамуры разлетелся на куски, развороченная выстрелом голова упала на ковер и больше не поднималась.

2

На экране телевизора появилась сияющая лысиной голова корреспондента теленовостей.

– Толпы «натуристов», сторонников учения Пастыря Накамуры, атакуют правительственные учреждения, – сообщил он высоким, напряженным голосом. – Они требуют отключить все мемы и вернуть миру его «натуральный вид».

Объектив видеокамеры показал площадь перед мэрией. Толпы митингующих в оранжевых масках теснили служителей правопорядка, выкрикивая то по-русски, то по-японски:

– Мемы – пожиратели реальности!

– Верните нам наш мир!

Снова возникший на экране лысый тележурналист произнес:

– Мы обратились за комментариями к доктору биологических наук, академику Акиро Махацура-Говоркову.

На экране возникла круглая, лоснящаяся физиономия академика.

– Доктор, насколько обоснованны слова протестующих о том, что мемы – пожиратели реальности?

Академик снисходительно улыбнулся.

– Абсолютно необоснованны, – произнес он добрым, интеллигентным голосом. – Мемы не могут «питаться реальностью». Это безобидные маленькие моллюски, помещенные в резервуары с питательной средой. Они питаются углекислым газом и продуктами горения. Как вы понимаете, для человека они не представляют никакой угрозы. И даже наоборот! Представьте, чем был бы наш мир без мемов. Нам бы пришлось прилагать титанические усилия для поддержания эстетически приятного вида планеты. Наши ресурсы – природные и человеческие – не позволяют нам так бездарно расходовать силы. Мемы облегчили нам жизнь, вот и все.

– Сторонники Пастыря Накамуры выступают против подобного «украшательства». Они уверены, что люди все больше погружаются в виртуальный мир и теряют чувство реальности.

– Пастырь Накамура – шарлатан и анархист. Если бы мы пошли на поводу у таких людей, как он, в мире воцарился бы хаос. Вспомните слова Великого мастера дзен. «Окружающий нас мир столь же иллюзорен, как наши сны».

– Но сторонники Накамуры считают своего лидера христианским пророком, призванным вернуть в наш мир ощущение самости и напряженные размышления о Боге – источнике прощения и любви.

– Это все псевдохристианская демагогия. Человек пришел в этот мир, чтобы быть счастливым, а не для того, чтобы страдать и испытывать лишения. И мы, ученые, политики и религиозные деятели, должны сделать все, чтобы избавить человека от тревог и душевных терзаний...

Клов взял пульт и выключил у телевизора звук. Затем снова посмотрел в окно. За окном митинговали «натуристы». На взметнувшихся над их головами плакатах иероглифами и кириллицей были намалеваны цитаты из проповедей Пастыря Накамуры. «Долой все искусственное!» «Мы – за реальный мир!» «Объявить мемы вне закона!»

Клов отвернулся от окна. В большом сером здании, принадлежавшем Военному Совету – в здании, которое так долго было островком безопасности и спокойствия в непрерывно изменяющемся, полном насилия мире, теперь было так же небезопасно, как везде.

– Процесс восстановления закончен, – сказал полковник Рохлин. – Как вы себя чувствуете, капитан Клов?

– Я в норме, – ответил агент-оперативник.

Полковник Рохлин кивнул. Его черный плащ-кимоно был перепоясан золотым поясом-хакамой, на перевязи висел кинжал-вакидзаси в золотых ножнах (знак принадлежности к высшему офицерскому составу). Длинные пепельные волосы полковника Рохлина были стянуты на затылке в хвост, спускающийся до середины спины.

– Я ликвидировал Пастыря Накамуру, – не то спросил, не то констатировал Клов.

– Вы все сделали как надо, капитан, – сказал полковник Рохлин. – Ваш статус повышен до «примулы». Это означает, что с сегодняшнего дня вы получите все привилегии, полагающиеся старшему офицерскому составу. Включая право на дополнительный жилой метраж и допуск в хранилища древних земных артефактов. Вы, кажется, равнодушны к древней земной музыке?

– Да, господин полковник.

– В музыкальном хранилище есть тысячи записей древних певцов и музыкантов.

– Рад это слышать, господин полковник. Можно задать вопрос?

– Задавайте.

– Это было на самом деле? Или я был внутри учебного симулятора?

– Это не имеет значения. Вы получили задание и выполнили его. И теперь ваш служебный статус повышен. Приведите себя в порядок и отправляйтесь домой. Вам нужно хорошенько отдохнуть.

Полковник Рохлин поднялся со стула и, не говоря больше ни слова, вышел из комнаты.

Клов снова улегся на кровать. Он знал, что отдых ему абсолютно необходим. Лежа на спине, капитан долго смотрел на белый потолок, стараясь не прислушиваться к мыслям и словам, мелькающим у него в голове, и настроиться на отдых. Но это оказалось тяжелее, чем он думал.

Медитировать не получалось. Клов сел на кровати и опустил босые ноги на прохладный пластиковый пол. Он помнил все, что произошло в особняке, но это ничего не значило. Новое поколение учебных симуляторов создавало мир, настолько похожий на настоящий, что отличить один от другого уже не было никакой возможности. Тактильные ощущения, звуки, запахи, визуализация – все это было выполнено на высочайшем уровне и давало полный эффект присутствия.

Капитан Клов вспомнил, что был ранен при выполнении задания. Он быстро стянул рубашку и посмотрел на свое левое плечо. Шрама не было. Выходит, он никого не убивал, а задание по устранению Накамуры было всего лишь виртуальной инсценировкой, призванной проверить его боевые качества?

С другой стороны, целебные мази, разработанные учеными Военного Совета, залечивали раны в кратчайшие сроки, полностью регенерируя ткани, так, что после лечения на коже не оставалось и следа.

Решив выбросить мысли о Накамуре из головы, Клов встал с кровати и подошел к зеркалу. В зеркале отразился высокий, мускулистый, широкоплечий мужчина. Волосы – темные, длинные. Брови – черные. Глаза – темно-карие, миндалевидные. Обычное сочетание для солорексов. Четыреста лет назад люди не обладали столь унифицированной внешностью. В те времена на Земле жили чернокожие, краснокожие, желтокожие и белокожие люди. И цвет волос у них варьировался в более широком диапазоне – от иссиня-черного до рыжего и белого. Да и формой глаз они разительно отличались друг от друга.

Клов отвел взгляд от зеркала и посмотрел на голографический снимок, висевший на стене. На снимке мужчина и женщина, одетые в голубые брюки, смеялись и показывали маленькой девочке на объектив снимающей их камеры. Девочка тоже смеялась и выглядела беспрдельно счастливой.

Это были далекие русские предки Клова. Предпоследнее поколение людей, живущих на Земле, примерно за пятьдесят лет до эвакуации землян на планету Соло-Рекс.

Клов перевел взгляд на другой снимок. На нем была запечатлена красивая беловолосая женщина. Она смотрела куда-то мимо Клова, и лицо ее было серьезным и задумчивым. Капитан поднял руку к своему лицу, легонько поцеловал кончики пальцев, затем протянул руку к голографии и коснулся пальцами лица женщины. Изображение вздрогнуло. Женщина повернула голову, посмотрела Клову в глаза и улыбнулась. На волосы ей упал сухой лист дерева, женщина тряхнула волосами и засмеялась.

«Когда-нибудь ты снова будешь смеяться, Анна, – подумал Клов, глядя на прекрасное лицо жены. – Даже если мне придется заплатить за это жизнью».

Содержание в Центре Крионики стоило недешево. Не говоря уже о процедуре полной реанимации. Но Клов был полон решимости реанимировать жену и готов был выполнить любое задание Военного Совета, лишь бы заработать необходимую для этого сумму.

– Капитан Клов, через пятнадцать минут вы должны освободить палату, – пропел динамик, прикрепленный к стене.

Быстро одевшись, Клов опустился на пол, сел в позу лотоса и опустил взгляд на свой живот. Он сделал дыхание свободным и попытался ощутить энергию, исходящую из точки танден. Почувствовав движение энергии и сосредоточившись на нем, он принялся медитировать, обратившись к словам Великого мастера дзен:

«Не думай о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своем. Отпусти все заботы, не позволяй им затопить свой ум. Позволь образам приходить, и позволь им идти своим путем. Не будь озабочен ничем. Не беспокойся ни о чем. Господи! Хорошо нам здесь быть!»

Закончив медитацию и почувствовав себя свободным и просветленным, Клов осенил себя крестным знаменiem и поднялся на ноги.

3

Последние три месяца капитан Клов жил в гостинице «Сакура» возле Северного вокзала. Это было не слишком презентабельное на вид заведение (хозяева сэкономили на мемах), темное и унылое, но вполне приличное.

Клов посетил свой номер ненадолго, лишь затем, чтобы принять душ. Перед тем, как снова покинуть квартиру, он надел мундир космодесантника, который носил для конспирации – серый плащ-кимоно и хакаму серебристого цвета, позаботившись о том, чтобы узел пояса точно совпадал с точкой энергии – танденом. Затем проверил свой двадцатизарядный плазменный пистолет и сунул его в кобуру. На рукояти пистолета был выгравирован Святой Крест с тремя священными истинами на верхней и боковых перекладинах – «Верую в Сына Божия. Верую в дхарму. Верую в Церковь».

Стоя у окна и поправляя хакаму, Клов окликнул своего персонального робота:

– Эй, Панч!

– Что, босс? – мгновенно отозвался робот.

– Ты должен быть настоящим полиглотом. Что такое «эго сум»?

– Эго сум? – Панч нахмурил свой гладкий лоб. – Это на латыни. Означает «я существую».

– Я существую, – повторил Клов задумчиво. – Что такое латынь?

– Мертвый язык. Люди перестали говорить на нем за много веков до эвакуации. «Его сум» – это слова Бога, обращенные к дневному пророку Моисею. В книге «Исход», в третьей главе...

– Достаточно, – оборвал его Клов.

– Как скажете, босс. – Складки на лбу робота расправились. – Что-то еще?

– Да. Когда вернусь домой, напомни мне, чтобы я прочистил тебе мозги.

– Босс, мои «мозги» – вершина достижений человеческой мысли, – сказал робот. – И они совершенно не нуждаются в чистке.

Капитан Клов снова задумался.

«Пастор Накамура окликнул меня по имени. Откуда он мог меня знать? Моего настоящего имени нет даже на моем персональном чипе».

Размышляя об этом, капитан Клов достал из кармана сигареты, выданные ему на «складе привилегий». Взглянул на коробку. На ней была изображена пустыня, и по этой пустыне брел верблюд. Сигареты были набиты не здешней травой, а настоящим табаком, семена которого вывезли четыреста лет назад с Земли и теперь выращивали в оранжереях в количествах столь малых, что доставались драгоценные сигареты только вельможам, членам Военного Совета и толстосумам.

Капитан закурил и несколько раз затянулся. Сигареты были крепкие, и у него слегка закружилась голова. Ощущение не столько приятное, сколько странное.

Он снова затянулся. Головокружение прекратилось, однако никакого особого удовольствия Клов не почувствовал – обычные сигареты из ежедневного пайка были ему привычнее. Они бодрили и прогоняли дурные мысли. От этих же на душе стало непривычно мрачно и тоскливо.

На одном из рекламных щитов, видных из окна, древняя кинодива в мини-юбке и в забавной шляпе танцевала на огромном барабане и подпевала себе высоким голосом:

Я из пушки в небо йду!
Тиги-диги-ду!
Тиги-диги-ду!

Клов вспомнил о том, как вместе с женой Анной смотрел этот древний фильм в одном из маленьких кинотеатров Квартала Искусств. Анна обожала древние фильмы не меньше, чем он – древнюю музыку.

Мысли о жене потянули за собой целую цепочку других воспоминаний. Первая встреча, первый поцелуй, день бракосочетания... А потом – аэробус, набитый людьми, спокойный голос пилота, объявляющий о том, что аэробус готов к взлету, но вместо взлета – ослепительная вспышка перед глазами и ослепительная пустота, заполнившая собой все вокруг... Дальнейший месяц прошел для Клова, как в тумане. Алкоголь – отличный новокаин для души. Но как только он выветривается, тоска и боль возвращаются снова, и приходится увеличивать дозу.

Клов пил весь месяц, а потом вышел из дома в поисках смерти. Пребывая почти в беспамятстве, он добрал до моста Святого Дэнбея Татэкавы и, перевалившись через перила, рухнул в реку с тридцатиметровой высоты. Но ему не повезло – какие-то праздные гуляки заметили его с набережной, вытащили из воды и отвезли в ближайшую больницу.

Позже Клов понял, что его спасение не было случайным и что смерть обошла его стороной преднамеренно. Но тогда, лежа на кровати и глядя в больничный потолок, он думал лишь об одном: как несправедлива к нему судьба. К другим людям смерть приходит незваной и с легкостью лишает их того, с чем они не расстались бы ни за какие деньги. А он, космодесантник Клов, не сумевший уберечь жену от смерти, остался жив. Даже в этом удача отвернулась от него.

А потом пришел тот, кого более романтично настроенный ум непременно окрестил бы Ангелом-спасителем.

– Меня зовут полковник Рохлин, – представился гость.

Клов хотел подняться, но полковник сделал успокаивающий жест рукой и сказал:

– Лежите, не вставайте. Мы хотим предложить вам новую работу.

– Какую работу?

– Ваша жена лежит в Центре Крионики, верно?

– Верно.

– Оплаченное время аренды криокамеры истекает. Через восемь часов тело Анны Клов разморозят и похоронят. Но вы можете сделать так, что этого не произойдет.

Клов молчал, в горле у него пересохло. А полковник Рохлин сунул руку в пристегнутую к поясу сумку и достал конверт.

– Это ваш аванс, – сказал он. – Что-то вроде «подъемных».

Клов посмотрел на конверт и уточнил севшим от волнения голосом:

– Сколько там?

– Хватит на то, чтобы продлить пребывание Анны Клов в Центре Крионики еще на год. – Полковник положил конверт на тумбочку. – Встретимся завтра, в штабном корпусе Военного Совета. У входа предъявите военный билет и скажете, что пришли к полковнику Рохлину. Всего доброго, лейтенант Клов!

* * *

..Капитан швырнул окурок в пепельницу.

– Я иду прогуляться, – сказал Клов роботу-слуге.

– Возьмете меня с собой? – спросил Панч.

– Нет.

– Моя задача – защищать вас. Позвольте мне следовать за вами.

– Не позволю. Жди меня в номере.

Пару минут спустя капитан Клов вышел из гостиницы на широкий проспект. Ночной город выглядел оживленным. Мимо проносились автолеты и таксолеты, повсюду сверкали огромные неоновые иероглифы и буквы кириллицы, предлагающие горожанам разнообразные развлечения – от театра-кабуки до балаганов со скоморохами и медвежьей борьбой. Вывески сотен ресторанов и баров предлагали отведать настоящие суси или полакомиться борщом и пельменями по древнему земному рецепту. На рекламных щитах, развешанных над борделями и чайными домиками, виртуальные гейши показывали свое мастерство в плотских утехах.

Большой Град веселился и шумел. Жизнь в нем бурлила и днем и ночью. Особенно ночью, поскольку с наступлением тьмы изматывающая жара спадала, и люди, наконец, могли вылезти из своих нор, которые лишь по какому-то странному недоразумению (или по старой, «земной», памяти) принято было называть квартирами.

Клов когда-то сам жил в такой же норе: пять квадратных метров, высота потолка метр девяносто – аккурат, чтобы не стукнуться головой. Планета Соло-Рекс была маловата для размножившегося за четыреста лет человечества. Но люди умудрялись жить в этих норах по двое и даже по трое. Клов не мог себе этого представить.

Завидев таксолет, он поднял руку.

Спустя еще двадцать минут таксолет доставил его к заведению, чей фасад был ярко разукрашен неоновыми картинками и буквами. Вывеска на японском и русском языках гласила:

НОЧНОЙ КЛУБ «ХЕНТАЙ»

А чуть ниже:

БОИ БЕЗ ПРАВИЛ КАЖДЫЙ ДЕНЬ!

Дымя сигаретой, капитан Клов сунул в щель таксолета кредитную карточку и выбрался наружу. К нему тут же подскочила голографическая рекламная девица и заворковала, обдав его ароматом дорогого парфюма и защекотав дыханием кожу:

– Господин офицер, рекомендую вам купить новый парфюмерный набор «Роза Куро-савы». В комплект входит...

Капитан выдохнул ей в лицо струю табачного дыма. Голографическая девица поморщилась и оставила его в покое, чтобы привязаться к другому прохожему.

С каждым годом рекламные голограммы становились все более совершенными. Теперь они пахли и дышали. Клов понятия не имел, как это делается, но был недоволен существующим положением вещей. Если так пойдет и дальше, скоро люди-голограммы станут совершенно неотличимы от реальных людей. И как тогда прикажешь общаться с людьми? Как выяснить, кто из прохожих и собеседников по-настоящему реален, а кто – всего лишь призрак, обретший зыбкую голографическую плоть?

Затянувшись еще раз, Клов швырнул окурки в материализовавшийся рядом с ним бочок-утилизатор и зашагал к двери ночного клуба.

Внутри было шумно и дымно. На плоских экранах телевизоров, вмонтированных в стены, круглосуточно крутили анимэ. Большеглазые героини в задранных юбочках и дра-ных гольфах, с телами и голосами девчонок-дошколят рубили мечами жутких чудовищ, летая по воздуху, наподобие мотыльков.

Клов, которого, в отличие от завсегдатаев заведения, ничуть не возбуждали белые трусики и голые ляжки нарисованных подростков, отвернулся от телеэкрана и сказал, обращаясь к бармену:

– Стакан крепкого саке. И что-нибудь закусить.

– Будет сделано, офицер-сан, – отозвался грузный, широколицый бармен, склонив голову в почтительном поклоне.

Вскоре, прихлебывая sake, капитан снова впал в рассеянную задумчивость, из которой его вывел спор бармена и какого-то пьяного, агрессивного посетителя.

– Я просто хочу узнать свой гороскоп на следующую неделю, – говорил бармен.

– Я тебе и так скажу, – безапелляционно отвечал пьяница. – Ты кто по гороскопу?

– Овен.

– Овен... Так, что там у нас для Овнов... Ну, слушай. На следующей неделе всякие пидоры будут ссать на вас с высокой колокольни. Приготовьте полотенце.

– Все? – спросил бармен.

Пьяница кивнул:

– Все.

– Очень смешно.

– Ну, так смейся! Чего ж ты морду воротишь? Слушай, а чего это твоя толстая харя так просит кулака, а?

Клов, которого противный голос пьяницы отвлекал от размышлений, схватил скандлиста за шиворот куртки, хорошенько встряхнул и сказал:

– Тащи свою задницу за дверь, пока я не разрезал тебе пузо и не спустил твою энергию-танден в унитаз.

– Прошу прощения, господин офицер, – заблеял пьяница, скосив перепуганные глаза на кинжал Клова. – Такое больше не повторится.

Клов отпустил его. Пьяница низко и подобострастно поклонился, затем ссутулился и засеменил прочь.

– Благодарю вас, офицер-сан, – низко поклонился ему бармен.

– Не стоит благодарности. – Клов отхлебнул sake. – Что слышно про Пастыря Накамуру?

Бармен посмотрел на Клова удивленно.

– А вы разве не слышали о разоблачении?

– Нет, – ответил Клов. – Я был в отъезде и только сегодня вернулся в город.

– Сегодня утром сообщили, что Пастыря Накамуры никогда не существовало. Он был виртуальной симуляцией, вирусом, запущенным в государственную Сеть. Говорящей головой, которая оглашала лозунги, написанные религиозными экстремистами. Они выдумали его, чтобы морочить людям головы.

– Вот оно что.

– Да, офицер-сан. Спецслужбам удалось проникнуть в сетевой центр повстанцев и стереть лидера из виртуального пространства. Так что мы больше не увидим его физиономию на экранах телевизоров. Конец обману!

Бармен засмеялся и поставил перед капитаном тарелку с горячей закуской, состоявшей из копченых яиц и кусочков соевого мяса. Клов выпил sake и взялся за палочки. Он старался есть, но не смог. Бармен, видя это, не на шутку встревожился.

– Вам не нравится пища, офицер-сан? – спросил он подобострастным голосом.

– Нравится. Просто нет аппетита.

Клов отодвинул тарелку и положил палочки на стойку. Вид пищи, лежавшей на тарелке, вызывал у него отвращение. Капитан ненавидел эту свою внезапную чувствительность, но ничего не мог с собой поделать. Похоже, в этот вечер ему было суждено повсюду находить отголоски собственных переживаний.

– Дайте мне еще sake, – распорядился он.

– Конечно, офицер-сан!

Бармен снова наполнил керамический стаканчик рисовой водкой и поставил его перед капитаном.

Водка обжигающей волной пробежала по пищеводу. Поморщившись, Клов снова вспомнил момент взрыва. Вспышка света, грохот, небытие и боль... Оглушительная боль во всем теле. Капитан вновь поморщился. Ему вдруг показалось, что он почувствовал отголосок той страшной боли. Боль стремительно нарастала, словно неведомая сила решила перенести его в прошлое, вызывая воспоминания, невыносимые для его потрясенного рассудка.

– Что с вами, господин военный? – Бармен испуганно вглядывался в лицо Клова. – У вас сердечный приступ?

– Нет. – Клов взял салфетку, чтобы вытереть покрывшийся испариной лоб. – Со мной все в порядке.

Использував салфетку, капитан смял ее и швырнул в пепельницу.

– Налей еще sake!

– Хорошо, офицер-сан.

Клов оглядел зал. Народ все прибывал, скоро должно было начаться «Хентай-Шоу».

«Интересно, как выглядит этот зал в те минуты, когда мемы отправляют на подзаярду? – подумал Клов. – Скорее всего, стены здесь покрыты мхом. А вместо удобных кресел – грубо сколоченные, неуклюжие стулья, на которые противно смотреть. Что ж, хвала мемам!»

4

«Хентай-Шоу» началось. Публика – по большей части мужская – хлопала в ладоши, топала ногами и свистела. На помосте, обтянутом сеткой, шел бой. Две противницы – одинаково высокие, тонкие, мускулистые и красивые девушки – были полностью обнажены. Кожа одной из них была выкрашена золотой краской, второй – серебряной. Волосы на их сверкающих телах были эпилированы, и кожа казалась идеально гладкой, почти отполированной. Волосы на головах противниц, выкрашенные в цвет тела, были уложены в замысловатые прически.

Серебряная, крутанувшись вокруг собственной оси, ударила Золотую ногой в лицо. Та рухнула на помост и хотела встать, но Серебряная прыгнула на нее сверху, прижала ее телом к помосту и несколько раз ударила ее правым локтем в шею, в грудь и в лицо.

Публика заорала, затопала, засвистела сильнее. Один из пьяных зрителей размахнулся, чтобы швырнуть на помост стакан, но бдительный охранник взмахнул бичом – кожаная змея свистнула в воздухе и хлестнула хулигана по щеке, оставив на ней кровавый рубец. Тот выронил стакан, вскрикнул и схватился за щеку.

Золотая не отключилась. Она обхватила противницу одной ногой за талию и попыталась сжать ее сильными бедрами.

– Задави ее! – завопил кто-то из зрителей.

– Шире ноги! Дашь обзор! – весело крикнул другой.

Публика захохотала, засвистела. Кто-то вскочил с места и сделал несколько неприличных жестов, но, натолкнувшись взглядом на сурового охранника, сжался от страха и тут же плюхнулся обратно в кресло.

Золотая провернулась в руках Серебряной, а потом, упершись головой и ногами в пол, встала на мостик. Серебряная, обхватив соперницу руками, попыталась перевернуть ее на спину, но безуспешно.

– Дави! – хрипло проорал кто-то.

Серебряная напрягла мускулы и почти повалила Золотую на пол.

Публика взревела.

– Давай!

– Размажь ее!

Золотая снова сумела извернуться, закинула Серебряной на плечи длинную ногу и сдавила ее шею в подколенной впадине.

Серебряная, тяжело дыша, поднялась на ноги, держа Золотую на весу, а потом ударила ее кулаком в низ живота и мощным движением стряхнула с себя. Золотая с грохотом рухнула на пол. Серебряная быстро опустилась на колени и нанесла противнице сокрушительный удар кулаком в лицо. Голова Золотой свесилась набок, девушка потеряла сознание.

Серебряная поднялась на ноги, повернулась лицом к публике, пару секунд стояла неподвижно, оглядывая раскрасневшиеся лица мужчин и женщин спокойным, чуть презрительным взглядом, а потом вскинула руки и громогласно крикнула:

– Банзай!

– Банза-а-ай! – взревела в ответ публика.

Крики потонули в аплодисментах. Серебряная опустила руки, быстро сошла с помоста и зашагала к служебному выходу. Десятки мужских глаз с вождением и восторгом уставились ей вслед, цепко оглядывая все нюансы обнаженного тела, словно пытаясь облапать и изнасиловать ее глазами.